

полняет и расширяет свои ранние представления о тотальности, сложившиеся под влиянием К. Маркса и Ф. Броделя. В эти годы Валлерстайн рассматривает глобализацию позднего капитализма как часть бифуркации или энтропии в общем процессе коэволюции общества и природы. Основной характеристикой бифуркации капиталистической системы является ее переход от линейной, эволюционной фазы развития к нелинейной, катастрофической фазе. В условиях системного кризиса позднего капитализма его будущее развитие становится неопределенным: в равной степени капитализм может уничтожить сам себя и вместе с собой всю социальную систему, продолжать движение в направлении увеличения глобального социального неравенства или же трансформироваться в более эгалитарную и демократическую систему. Нежелательность реализации первых двух сценариев актуализируют роль этики в социально-политической деятельности антисистемных сил и в научном знании. Именно единство научной истины, социальной практики и этики как главной предпосылки преодоления системного кризиса капитализма составляет суть идеи тотальности в последних работах Валлерстайна [3, с. 255].

Таким образом, теория мир-системного анализа стала плодом усилий Валлерстайна, направленных на создание наиболее фундированной концепции тотальности. По мнению Валлерстайна, основу этой концепции составляют четыре принципа. Во-первых, принцип глобальности, в соответствии с которым общество или национальное государство невозможно понять или изучать в отдельности от более крупной социальной структуры – мир-системы. Во-вторых, принцип историзма, согласно которому для тотальной единицы анализа требуется соответствующая хронология, которая бы давала понимание исторических процессов на глобальном уровне. Отсюда применение концепции Ф. Броделя о среднесрочных и долгосрочных циклах к исследованию исторических процессов. В-третьих, принцип монодисциплинарности, который отрицает разделение науки

на естественные, общественные и гуманитарные. Четвертый принцип – холизм, который предполагает рассмотрение экономики, политики и культуры как самостоятельно существующих сфер общества, взаимодействующих друг с другом в рамках единой «целостности» [3, с. 261–262].

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. Бродель, Ф. История и общественные науки. Историческая длительность / Ф. Бродель // Философия и методология истории : сб. ст. / общ. ред. И. С. Кона. – М. : Прогресс, 1977. – с. 115–142
2. Валлерстайн, И. Анализ мировых систем и ситуация в современном мире / И. Валлерстайн; пер. с англ. П. М. Кудюкина; под общ. ред. Б. Ю. Кагарлицкого. – СПб. : Университетская книга, 2001. – 416 с.
3. Валлерстайн, И. Конец знакомого мира: Социология XXI века / И. Валлерстайн; пер. с англ. под ред. В. И. Иноземцева. – М. : Логос, 2004. – 368 с.
4. Дмитриев, А. Н. Марксизм без пролетариата: Георг Лукач и ранняя Франкфуртская школа (1920–1930-е гг.) / А. Н. Дмитриев. – СПб. : Изд-во Европ. ун-та в Санкт-Петербурге; М. : Летний сад, 2004. – 528 с.
5. Рохас, К. А. «Анналы» и марксизм [Электронный ресурс] / К. А. Рохас // Французский ежегодник. – 2009. – Режим доступа : <http://annuaire-fr.narod.ru/simple.html>. – Дата доступа : 02.02.2015.
6. Hopkins, T. K. World-Systems Analysis. Theory and Methodology / T. K. Hopkins, I. Wallerstein. – Beverly Hills: Sage Publications, 1982. – 200 p.
7. Wallerstein, I. The capitalist world-economy / I. Wallerstein. – Cambridge: Cambridge University Press, 1979. – 305 p.
8. Wallerstein, I. The Modern World-System I. Capitalist agriculture and the origins of the European world-economy in the sixteenth century / I. Wallerstein. – New York: Academic Press. 1974. – 411 p.

SUMMARY

The article is devoted to the concept of «totality» in the world-systems theory. It is noted that this concept was a result of I. Wallerstein's efforts to convergence history and sociology, philosophy and science to create a unified science of society. I. Tarkan draws attention to theoretical origins of the category "totality" in the world-systems analysis. Among them the critical theory of labor value of K. Marx, the concept of totality of G. Lukacs, theory of total history of F. Braudel, the ideology of the «new left» movement of F. Fanon and the theory of non-equilibrium systems of I. Prigogine Are mentioned.

Поступила в редакцию 09.04.2015 г.

УДК 141.7:321.013

М. А. Сонгаль,

преподаватель кафедры философии БГПУ

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРИНЦИПЫ ФИЛОСОФСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ А. А. ЗИНОВЬЕВЫМ СОЦИАЛЬНЫХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ В СССР И НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Современная социальная ситуация характеризуется усложнением всех процессов, происходящих в обществе, претерпевающим различный рода трансформации. Проблемы, возникающие перед обществом и наукой, требуют адекватной методологии познания, главной задачей которой становится определение путей устойчивого развития общества. Особенно актуальна научная значимость разработки и совершенствования методологии социального познания на так называ-

ватной методологии познания, главной задачей которой становится определение путей устойчивого развития общества. Особенно актуальна научная значимость разработки и совершенствования методологии социального познания на так называ-

емом постсоветском пространстве. Социально-экономические, политические проблемы, существующие в современных постсоциалистических государствах, свидетельствуют о необходимости развития теоретической и методологической базы социальных исследований, направленных на научное объяснение общественных процессов и их преобразование.

В социальной философии известного советского и российского мыслителя А. А. Зиновьева происходило постепенное приращение знаний о реальном состоянии социалистического общества, а затем и о возможных путях его преобразования. В его работах можно найти богатый материал для изучения как положительных, так и отрицательных сторон данного опыта. Один из основных предметов социальной философии А. А. Зиновьева – это советское общество, анализ опыта социалистических преобразований в период его существования. А. А. Зиновьев был одним из первых исследователей, поставивших перед собой задачу осмысления и анализа реального социализма, поиска ответа на вопрос, что он собой представляет без идеологических клише.

Научный коммунизм был одной из основных частей теории марксизма-ленинизма и считался наукой, в которой аргументирована неизбежная гибель капитализма и доказана неременная победа коммунистической организации общества. При таком положении и статусе научного коммунизма в советской науке реальные исследования советского общества оказались лишены смысла, поскольку результат научных усилий был заранее предопределен и должен был стать доказательством тезиса о победе коммунизма.

Таким образом, догматизм социальных наук не позволял реализовать функцию философии как рефлексии над универсалиями культуры. Результатом отсутствия знаний о советском обществе стало полное непонимание того, каким образом это общество следует реформировать. Из-за недостатка реальных социальных исследований, «перестройка» не имела четкой программы преобразований и состояла из несколько хаотичных, а иногда и непродуманных шагов. После распада СССР ситуация научного вакуума в сфере социальных исследований обусловила обращение реформаторов к исключительно либеральным концепциям, вероятно неприложимым полностью к советскому социальному опыту.

В своих работах А. А. Зиновьев неоднократно показывал, что научный коммунизм, хотя выступал как наука о советском обществе, в реальности исполнял именно идеологические функции. Важнейшей задачей для себя он считал изучение реального коммунистического общества, проведение исследования свободного от догматических положений. Реальным коммунизмом А. А. Зиновьев считал тот тип общества, который фактически сложился в СССР [1, с. 67–69]. В середине 1970-х гг. он выступал как резкий критик

социализма. Первые результаты его исследований были представлены в социологическом романе «Зияющие высоты». Жизнь в вымышленном городе Ибанске, где происходят события «Зияющих высот» с безысходностью, произволом, воплощалась как привычная реальность советского общества. Центральной темой книги стала проблема творческой, мыслящей личности в коллективистском обществе, где выработаны механизмы для подавления индивидуальности.

На данном этапе приближение к социальному идеалу А. А. Зиновьев видел в западной модели: он сформулировал идею о том, что важным условием реализации принципов индивидуализма является общество с гражданскими свободами и правами личности. В экономической сфере мыслитель отмечал следующие недостатки советской системы: низкая производительность труда, неэффективность государственного управления и отсутствие инноваций в производстве. Для СССР была характерна тенденция разрешать внутренние проблемы за счет хищнической эксплуатации природных ресурсов и других стран. А. А. Зиновьев делает вывод, что если бы мир был коммунистически однороден, то эти тенденции стали бы роковыми. Вывод философа на данном этапе его интеллектуальной деятельности: «коммунизму нужно бояться не существования конкурирующего Запада, а своей мировой победы» [2, с. 360].

М. Кирквуд отмечает, что в 1978–1986 гг. А. А. Зиновьев рассматривает советский коммунизм как постоянную угрозу цивилизации [3, с. 273].

Особенности экономической системы, безусловно, существенным образом отражались на характере людей. Советская экономическая модель представляла собой яркий пример мобилизационной экономики. Она работала в экстремальных ситуациях, когда требовались концентрация и жесткое распределение ресурсов, строго централизованное управление с принуждением и ответственностью работников. Сама модернизация осуществлялась путем революций «сверху» и охватывала преимущественно технологическую и военно-промышленную сферы, а также систему управления, не подкрепляясь политическими и социальными преобразованиями. С помощью такой модели решались сверхзадачи – форсированная индустриализация, создание оборонно-способного потенциала, защита Родины, восстановление страны, освоение целины, ударные стройки. Эта идея формировала черты советского сознания – довольствование малым, примирение с действительностью ради будущего [4, с. 45]. Сходную идею высказывает и известный ученый, экономист Л. Абалкин. Он обращает внимание на свойственную русским людям черту – преодолевать трудности одним напором, без достаточной подготовки – в виде единовременного усилия, а не повседневной будничной и упорной работы. Однако без такого психологи-

ческого склада, готовности к подвигу, к самопожертвованию трудно было бы добиться результатов индустриальной эпохи. Изменение экономических условий, смена типов технологической культуры обнаружили слабость такого подхода. Современные технологии, тип организации производства, сложность техники, прежде всего электроники, требуют высочайшей технологической культуры, аккуратности, четкости, постоянных усилий. Этого и не хватало в сложившихся стереотипах по отношению к труду [5, с. 191–92].

Несмотря на отмеченные отрицательные черты советской системы, А. А. Зиновьев в данный период рассматривал ее как стабильную и был уверен в ее прочности. «Коммунистическое общество стабильно до такой степени, что внутри его просто не вызревают достаточно серьезные силы, способные разрушить его изнутри». «Бессмысленно надеяться на какие-то радикальные перемены этого общества в сторону западных демократий, обусловленные внутренними потребностями коммунистических стран» [2, с. 357–358].

Таким образом, до начала перестройки в СССР отношение А. А. Зиновьева к коммунизму можно характеризовать в целом как отрицательное, к Западу – в основном как положительное. Позиция философа на данном этапе находится в полном соответствии с либеральным направлением.

Следует отметить также некоторую ограниченность теории коммунистического общества А. А. Зиновьева. В его критике коммунизма переплетаются 2 разных и несходных типа – коммунизма как системы и ее поздней стадии [6, с. 48]. Кроме того, в анализе «реального коммунизма» практически отсутствует исследование и оценка предшествующей истории России, а также тех факторов, которые оказали существенное влияние на ту форму, которую социализм (коммунизм) принял в Советском Союзе. На этом этапе ученый не объясняет, почему в советском обществе возникли все те противоречия, последствия и проявления которых он критикует. В его исследовании реального социализма практически отсутствует анализ истории вопроса. Можно сказать, что в этот период он ставит диагноз происходящим в СССР социальным процессам.

Лингвистический анализ А. А. Зиновьева выявляет постепенный поворот в его взглядах по отношению, во-первых, к реальному коммунизму, во-вторых, к реальному капитализму [3, с. 45]. После 1988 г. философ концентрируется на положительном опыте советских социальных преобразований: в СССР была открыта культура, высока была вертикальная мобильность населения: из низов общества – рывок к высотам мировой культуры [7]. Отсутствие безработицы, гарантированное образование, медицинское обслуживание он рассматривает только в положительном контексте, без упоминания того, что такая экономическая система была неэффективной и нерентабельной.

Если на предыдущем этапе ученый рассматривал советский строй как враждебный проявлению индивидуальности: «Кандидаты в отщепенцы – люди высокоодаренные, оригинальные, смелые, прямые, независимые в своем мировоззрении, яркие – то есть самые беззащитные в социальном отношении, самые уязвимые и ненавистные для серой массы сотрудников коллектива. Меры коллектива по приобщению вызывают лишь усиление сопротивления индивида коллективу и стремление выделиться из него в качестве суверенной личности. И заканчивается это либо гибелью индивида, либо фактическим изгнанием его вовне» [8], то впоследствии коллективизм он начинает считать благом: «население было объединено в коллективы, у русского и других народов СССР склонность к коллективной жизни, к доминированию “мы” над “я”».

Возникновению и развитию кризиса, который назревал в 1970-е гг., согласно концепции А. А. Зиновьева, способствовали внешние причины: гонка вооружений, сотрудничество с Западом, необходимость укреплять военную мощь страны. «Социальные системы никогда не погибают в силу внутренних причин. В силу внутренних причин они только ослабевают, а погибают в силу внешних вторжений [9, с. 55]. Советский Союз впал в кризис, который затем усилился именно из-за Западных стран. Ученый склонен определять в качестве главной причины кризисного состояния СССР в основном внешние факторы, считая Запад виновным в крушении Советского Союза. Таким образом, уверенность во внутренней стабильности советского общества, характерная для предыдущего этапа, у него сохранилась.

Однако многие исследователи обращают внимание на тот факт, что взгляд А. А. Зиновьева был отягощен собственными идеологическими и мировоззренческими установками. М. Кирквуд отмечает, что в социологических работах ученый никогда не опирался на критерии научного дискурса [3, с. 296]. На данном этапе философ написал большое количество книг, статей, в которых развиваются и повторяются его основные идеи: Советский Союз был предан политиками, Запад выиграл «холодную войну», Запад стремится уничтожить сильную Россию как мировую державу, колонизировать ее и весь остальной мир, западная идеология засоряет все страны потоками интеллектуального «фаст фуда» [3, с. 295].

В то же время следует отметить, что А. А. Зиновьев в конструировании своего концепта «сверхобщество», с помощью которого он характеризует современное развитие западных стран и процессы глобализации, довольно близок к мир-системному анализу. Ученый утверждал, что «единое человечество возможно, но не как мирное сосуществование равноправных стран и народов, а как структурированное социальное целое с иерархией стран и народов». При этом

речь идет о вертикальном структурировании, где нет места равноправию [10, с. 445–446].

Кардинальный поворот во взглядах А. А. Зиновьева был связан с осмыслением им «перестройки». Философ крайне негативно оценил действия М. Горбачева по реформированию различных сфер жизни СССР, негативно и критически рассматривал рыночную практику, считая кризис коммунистического общества специфическим, требующим адекватных путей решения.

Итак, перестройку он характеризовал не как движение к обновлению социализма, а как движение к гибели советского социализма как такового. Такая позиция шла вразрез как с официальной точкой зрения советских властей, так и с общественным мнением конца 1980-х гг., которое очень положительно воспринимало перестройку и связывало с ней надежды на улучшения.

Однако в 1990–2000-х гг. в общественной мысли начинается некоторое переосмысление итогов «перестройки». Исследователи начинают искать причины того, почему проекты преобразований советской системы окончились неудачей. Представители ортодоксального направления (субъективистского подхода к распаду СССР) главным виновником считают М. С. Горбачева. Другие авторы считают советскую систему в принципе нерепформируемой, утверждая, что она могла существовать только как централизованная система, поскольку была основана на тотальном этатизме и держалась только на принуждении [11].

Тем не менее этот тезис достаточно убедительно опровергается С. Козном, который в своих исследованиях показал, что советская система на начальном этапе показала себя как хорошо реформируемая. Более того, в ней была заложена определенная двойственность, которая делала ее не только потенциально реформируемой, но и готовой к реформам. Эта двойственность заключалась в том, что с формальной точки зрения в ней присутствовали все черты и институты, присущие демократии, но в них существовали определенные «противовесы», которые сводили на нет их демократическое содержание. Таким образом, следовало устранить эти «противовесы» [12, с. 158–159].

В. С. Степин рассматривает начавшуюся в 1980-х гг. перестройку как особый тип модернизационных процессов. СССР не вписывался в мировое разделение труда и в мировой рынок, не имел возможности конкурировать с Западом, соответственно, было необходимо создавать технологические предпосылки для постиндустриального развития. Основным препятствием для перехода к постиндустриальному обществу было стремление советской системы создать общество идеологической стерильности, в котором невозможно было бы распространение свободной информации, использование Интернета. Перестройка явилась попыткой преодолеть эти

препятствия [13, с. 67–68]. Сложившиеся политические отношения стали превращаться в тормоз для развития страны, в связи с этим нарастал кризис не только экономики, но и всего общества. Процесс перестройки стал началом поиска выхода из сложившейся ситуации. Таким образом, начало «перестройки» было обусловлено закономерными и объективными процессами в советском обществе, и утверждение, что это была спланированная операция ЦРУ, или результат заговора – некорректны и неверны. Тем не менее большую роль в начале реформ и в сознании людей сыграли средства массовой информации, в том числе и в процессе формирования представлений о западном образе жизни как о социальном идеале. Действительно, в эпоху глобальных СМИ, как отмечает Э. Гидденс, контроль над идеологией и культурой, на которой основывалась советская политическая власть, стал фактором распада [14, с. 31].

В целом, критика перестройки как неудачного реформирования базируется на констатации отсутствия четкой стратегии преобразований и всесторонней оценки возможных последствий.

Негативные последствия в процессе реализации какого-либо проекта невозможно исключить полностью, но одна из главных задач при разработке научного проекта должна состоять в их минимизации. Именно поэтому в настоящее время в социальной науке находят все большее распространение принципы синергетики (теории самоорганизующихся систем), приоритетные исследования в области которой выполнены И. Р. Пригожиным, Г. Хакеном и Э. Ласло. При разработке социальных проектов важнейшими задачами становятся определение методологии моделирования процессов социокультурной динамики, пригодной для построения альтернативных сценариев социальной эволюции, а также выявление тех научных направлений, на теоретическом фундаменте которых можно было бы определять возможные пути решения глобальных проблем. Новый методологический подход к этим задачам может быть найден с помощью такого научного направления как футуросинергетика [15]. Его принципы заслуживают особого внимания в социальной науке: утверждение отсутствия запрограммированного будущего и ответственность каждого человека за возможное будущее.

В развитии СССР отчетливо прослеживалась уверенность в том, что созданная система будет существовать вечно, потому не исследовалась. Л. В. Лесков отмечает фундаментальную роль случайности в саморазвивающихся системах, находящихся в зоне бифуркации и теряющих устойчивость. Социальные идеалы, воплощенные в общезначимых ценностях, становятся фактами культуры, и как культурные ценности могут выступать в качестве аттрактора. Аттрактор как тип эволюции системы, который происходит по уста-

новившемуся режиму, способен притягивать процессы, то есть будущее может влиять на настоящее. Но неизбежность бифуркаций, кризисных разрывов эволюционного процесса лишает это будущее однозначности. Тем не менее его нельзя считать непредсказуемым, поскольку за бифуркацией следует система дорог. «Выбор дороги может оказаться случайным, но может (и должен) быть сделан осознанно» [15, с. 48]. Л. В. Лесков определяет новое понимание будущего как набор альтернативных вариантов. Знание этих вариантов открывает возможность управления вектором исторического процесса. Поскольку спектр виртуальных аттракторов ясен тому, кто обладает таким знанием, можно говорить, что будущее способно оказывать влияние на ход истории, будущее влияет на настоящее. Классическая же эпистемология утверждает, что будущее определяется прошлым.

По мнению Л. В. Лескова, парадигмальный методологический потенциал, основанный на классической науке, уже не соответствует значительно усложнившимся процессам общественного развития, потому следует обратиться к современным достижениям в области неклассического и постклассического научного знания. Методологические принципы экономической синергетики рассматриваются исследователями как перспективная парадигма в области экономической трансформации, поскольку именно синергетический подход позволяет определить ряд проблем, которые не разрешаются в рамках традиционных либеральных подходов. Проблемы, связанные с переходным состоянием постсоветских стран и их участием в процессах глобализации, безусловно, в их числе.

Реконструкция взглядов А. А. Зиновьева на техногенное общество позволяет сделать следующие выводы: направление к улучшению ситуации лежит в плоскости возрождения культуры, обращения к личности человека, его внутреннему миру. Необходимо восстановление идентичности и преодоление отчуждения в обществе. Эти идеи соотносятся с концепцией «одномерного человека» Г. Маркузе, а также с взглядами других представителей франкфуртской школы, согласно которым современное технократическое общество воспроизводит ограниченное сознание с помощью средств массовой информации и популярной массовой культуры, навязываемым культом потребления.

Таким образом, рассматривая концепции А. А. Зиновьева в общем контексте направления социальной мысли второй половины XX – начала XXI в., можно судить о том, что они пронизаны поиском путей преодоления современными людьми феномена «одномерного человека».

Конструирование будущего в его работах в значительной степени основывается на этике: жизненный принцип А. А. Зиновьева, в котором концентрируется его активная позиция, был

сформулирован им следующим образом: «Я сам себе государство». Именно в формировании развитой, гармоничной личности, способной к рефлексии над происходящими общественными и политическими процессами, видится А. А. Зиновьевым как необходимое условие приближения к социальному идеалу. Эта стратегия социальных преобразований выдвигает на первый план самого человека – субъекта, который лишь изменив себя, свои представления и, выработав четкую социальную позицию, сможет изменить ситуацию вокруг себя. Возможен путь приспособления к общественным условиям, обеспечивающим людям лучшие личные условия жизни, карьеры. Но этот путь А. А. Зиновьев отверг для себя. Его «государство» – не экономическое или политическое явление, а социальное. Ведь основа любого социума – это человек, и от направления личных мотивов и действий людей зависит, в каком направлении будет и должно эволюционировать общество. Следовательно, проект А. А. Зиновьева лично ориентирован.

Таким образом, исследование положительно и отрицательно опыта социальных преобразований в СССР базируется на методологическом подходе, разработанном самим автором. Соответственно, в нем присутствуют противоречия, связанные с исходной теоретико-методологической позицией. А. А. Зиновьев рассматривает советский коммунизм как единственный возможный вариант коммунистической (социалистической) системы. Мыслитель в своем анализе отталкивался от конкретной социальной ситуации в советском обществе, не пытаясь связать ее проявления с теоретической базой «научного коммунизма», искал закономерности развития этого общества и, исходя из результатов своего исследования, делал выводы и прогнозы, которые зачастую оправдывали себя. Философ вполне реалистично смотрел на любые проекты социальных преобразований, утверждая, что к каким бы идеалам они не стремились, реальное социальное неравенство никогда не будет преодолено в силу «объективных социальных законов». Следовательно, концепции А. А. Зиновьева о социальных преобразованиях в СССР находятся в общем контексте перспективных подходов, опирающихся на принципы постнеклассической науки.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. *Зиновьев, А. А.* Светлое будущее / А. А. Зиновьев. Собр. соч. : в 10 т. – М. : ЗАО Изд-во Центрполиграф, 2000. – Т. 2. – 477 с.
2. *Зиновьев, А. А.* Коммунизм как реальность / А. А. Зиновьев. – М. : Центрполиграф, 1994. – 495 с.
3. *Кирквуд, М.* Значение идеологии в произведениях А. А. Зиновьева / М. Кирквуд // Александр Александрович Зиновьев / под ред. А. А. Гуссейнова. – М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2008. – С. 271–307.
4. *Чешко, С. В.* Распад Советского Союза. Этнополитический анализ. – М. : Координационно-методический центр прикладной этнографии Института этнологии и антропологии РАН, 1996. – 306 с.

5. *Абалкин, Л. И.* Избранные труды: В 4 т. Т. 4: В поисках новой стратегии: К цели через кризис. Спустя год... / Вольное экономическое общество России; сост. О. М. Грибанова – М.: ОАО «НПО Экономика», 2000. – 799 с.
6. *Фурсов, А. И.* О великом вопрекисте / А. И. Фурсов // Феномен Зиновьева / сост.: А. А. Гусейнов, О. М. Зиновьева, К. М. Кантор. – М.: Изд-во «Современные тетради», 2002. – С. 40–64.
7. *Зиновьев, А. А.* На пути к сверхобществу / А. А. Зиновьев. – М.: ЗАО Изд-во Центрполиграф, 2000. – 638 с.
8. *Зиновьев, А. А.* Зияющие высоты / А. А. Зиновьев // Собр. соч.: в 10 т. – М.: ЗАО Изд-во Центрполиграф, 2000. – Т. 1. – 715 с.
9. *Зиновьев, А. А.* Катастрофка / А. А. Зиновьев // Смута. – М.: Келвори, 1995. – 494 с.
10. *Зиновьев, А. А.* Фактор понимания / А. А. Зиновьев. – М.: Алгоритм, Эксмо, 2006. – 528 с.
11. *Пихоя, Р. Г.* Почему распался Советский Союз / Р. Г. Пихоя // Трагедия великой державы: Национальный вопрос и распад Советского Союза / отв. ред. Г. Н. Севастьянов; сост. С. М. Исхаков. – М.: Изд-во «Социально-политическая мысль», 2005 – С. 404–422.
12. *Козн, Ст.* Провал крестового похода и трагедия посткоммунистической России / Ст. Козн; пер. с англ. И. С. Давидян. – М.: АИРО-XX, 2001. – 304 с.
13. *Степин, В. С.* Модернизация. Но какая? / В. С. Степин // Перестройка: Двадцать лет спустя / сост. В. И. Толстых. – М.: Русский путь, 2005. – С. 65–73.
14. *Гидденс, Э.* Ускользящий мир: как глобализация меняет нашу жизнь / Э. Гидденс; пер. с англ. – М.: Изд-во «Весь мир», 2004 – 120 с.
15. *Лесков, Л. В.* Футуросинергетика: универсальная теория систем / Л. В. Лесков. – М.: Экономика, 2006. – 170 с.

SUMMARY

The article is devoted to the main principles of Zinoviev's research in the field of modern social philosophy actual problems: the essence of social transformations in the USSR the reasons of its dissolution and that peculiarities of the development of the ex-soviet area. It is noted that social knowledge methodology science significance is very important in the ex-Soviet area. Zinoviev's methodological principles correlate to the perspective positions of modern postnonclassical science.

Поступила в редакцию 09.04.2015 г.

УДК 141.7:316.6

П. С. Петровский,

младший научный сотрудник Института философии НАН Беларуси

ДИАЛЕКТИКА ТРАДИЦИИ И ИННОВАЦИИ В КОНТЕКСТЕ КОНЦЕПЦИИ СОЦИАЛЬНОГО ВООБРАЖЕНИЯ

Современность ставит перед человеком глобальные и сложные задачи. Ускорение мира, уплотнение знаний, а также расширение человеческой ойкумены поставили задачу повышения конкурентоспособности. От данного фактора зависит, какое место в мире мы сможем занимать, и кем будем являться. В этой связи проблема истока инноваций, происхождения творчества, а также сам его механизм занимают одно из центральных мест.

Для понимания истока инновационного процесса, его структуры и свойств мы попробуем обратиться к иному явлению, за которым в общественном сознании закрепился противоположный, антиномичный смысл – к традиции.

К сожалению, традиция как явление сегодня воспринимается как ретроградная, догматическая, застывшая во времени топика. Ее воспринимают, подобно реакции, как проявление старомодного и во многом трансцендентного образца прошлого, к которому следует стремиться. В этом дискурсе даже появилась определенная школа, известная под названием «интегрального традиционализма», утверждающая, что *традиция* – это первичная, чистая, истинная матрица, отклонение от которой привело к деградации, деконструкции основных метафизических смыслов и социальных институтов. Один из авторов подобной концепции, Рене Генон, утверждает, что единственно верным пу-

тем человека и общества может быть поворот к изначальной «примордиальной» традиции и отказ от любой инновации, консервация первичного статуса и существование в его границах.

Согласиться с подобной трактовкой традиции, с нашей точки зрения, уже исходя из самой этимологии слова «традиция» (восходит к латинскому *traditio*, к глаголу *tradere*, означаемому «передать»), ни в коем случае нельзя. Этимология самого слова предусматривает динамику, темпоральное растяжение, темп, изменение, а не застывание и застывание. На это и указывал ученик и последователь Генона, итальянский консервативный мыслитель Юлиус Эвола, который замечал, что традиция «по своей сути есть нечто метаисторическое и одновременно динамичное: это общая упорядочивающая сила, которая действует исходя из принципов, имеющих высшее узаконение на протяжении поколений, сохраняя духовную преемственность и проявляя себя в самых разных институтах, законах, формах государственного устройства, могущих даже иметь значительные различия между собой» [7, с. 10].

Эвола указал на важнейшие черты традиции: 1) сохранность; 2) динамичность, 3) преемственность, 4) институализация, 5) когнитивность. Углубляясь и уточняя понятие традиции, следует заметить, что она является динамичной и социальной, а также имеет инновационную компо-